

Михаил ЛЕВИТИН:

Театр не зависит ни от кого на свете

В будущем сезоне одним театральным фестивалем станет больше: театр «Эрмитаж» готовит таировский фестиваль. Точнее говоря, его готовит Михаил ЛЕВИТИН. «Эрмитаж» — авторский театр, Таиров и Коонен являются важнейшей частью личной левитинской мифологии. Разговор с режиссером начался еще до того, как корреспондент «Известий» Алексей ФИЛИППОВ успел задать первый вопрос.

— Фестиваль будет посвящен первой встрече Александра Таирова и Алисы Коонен в театре «Эрмитаж»: он был совсем молодым режиссером, она — звездой Художественного театра. На фестивале мы покажем спектакли, поставленные режиссерами-дебютантами. С Камерным театром у меня связано очень многое: в четырнадцать лет на волжском теплоходе я услышал по радио голос Коонен, написал ей письмо — и она мне ответила. Камерный — мой театральный мираж, если бы не он, мне бы вообще не захотелось заниматься театром.

— Лет десять назад, в пору наших театральных и иных весен, ва-

ше странное, не имеющее ничего общего с публицистическим перестроечным театром искусство удивительным образом совпало со временем. Сейчас все обстоит по-иному. Как чувствует себя художник, живущий в чужую эпоху?

— Мне абсолютно все равно, в какой общественной ситуации я нахожусь. Это она во мне, а не я в ней. Вся сила театра в том, что мы не зависим ни от кого на свете, театр всегда будет интересен, потому что мы стремимся к вечности своего искусства, к абсолюту. С каждым спектаклем ты приближаешься к своему собственному, личному идеалу — и никакого другого идеала для тебя нет. Мно-

гих раздражает моя непоследовательность: почему Левитин ставит то Хармса, то Маркеса? Но на самом деле я ставлю один-единственный спектакль, делая его то лучше, то хуже.

— Я бы сказал, что это возобновляющийся от спектакля к спектаклю монолог, обращенный к вам самому. А мне кажется, что театр прежде всего должен разговаривать с публикой.

— Таиров ставил советские пьесы, но от своего языка не отказывался. Ты не придумал его — ты с ним рожден и другим языком говорить не можешь. Беда наших театров в том, что они одинаково говорят и отличаются друг от друга лишь составом труппы и репертуаром. Определенных и ярких миров мало — может быть, поэтому и у «Эрмитажа» так мало поддержки. Я делаю очень простые, буквальные спектакли, показываю нелепую и трогательную природу человека — но люди не могут этого по-

нять. Что ж, полупустые залы были и у Мейерхольда, и у Таирова.

— Сейчас-то у вас появился свой зритель.

— Да, но сколько времени на это ушло. И очень хочется, чтобы публики было больше, чтобы она вся была твоя.

— В ваших словах все-таки слышится обида на то, что в нынешнем театре вы существуете в стороне.

— Я живу, работаю и никого не собираюсь удивлять своим театром. А некоторые говорят: «Боже, какой банальный ход, уж Левитину-то должно быть стыдно». Но для меня такой ход был естествен, вот я его и использовал... Это меня несколько не коробит — в отличие от суеты и толкотни в погоне за успехом. А окружающим кажется, что я что-то доказываю и выпендриваюсь, как никто в театральной Москве.

— Но ведь спектакли-то ваши действительно не всегда рав-

ны самим себе. Одно дело «Ничий, или Смерть Занда», совсем иное «Леокадия, или Десять бесстыдных сцен»...

— «Леокадия» решала мои жизненные задачи. Мне показалось, что в убогом тексте существует то, что для меня было важно: герои ищут любви и находят лишь близость... Я подумал: «Как примитивно и смешно это выражено!» И поставил спектакль быстро, но с раздражением против текста.

— Но ведь из «Леокадии» получился коммерческий спектакль, и он должен быть вам неприятен.

— Если зрителям это нравится, пусть смотрят. А я не смотрю. После премьеры не пересматриваю своих спектаклей. Я и книг своих не читаю. Это мое прошлое, перелистнутая страница моей жизни. Я поставил спектакль, решил свои задачи и иду дальше, а занятые в нем актеры решают свои.

Мне кажется, что режиссура — сугубое порождение нашего жут-

кого века, что в ней воплощен дух торжествующей государственности. Власть одного человека над другими людьми — жуткая штука, она может доставлять наслаждение только садисту. Естественней всего была ситуация Мольера — приносишь свою пьесу, за две недели делаешь спектакль, сам играешь Скупого. И еще горячая, только что родившаяся поэзия оживает на сцене — а в тебе тем временем возникает новая история. Вот такой театр я и делаю — но только с помощью разных авторов.

9 авг. 2001
Таиров Александр